***

С тобою совсем не случайно
Мы кем-то придуманы были,
Осыпались снежною пылью
На землю, как чудо, как тайна.

Серебряной нежностью в зиму
Две хрупкости, меченых кем-то,
Прозрачной заоблачной лентой
В непрошенность, необъяснимость.

Сплелись голосами, руками
В объятиях свежего снега,
По небу, по линиям света
Мы шли друг до друга веками.

Веками друг друга искали
И встретились...
И растаяли.

***

На взлётной полосе огни,
Наш самолёт готов к полёту,
Речь непонятная пилота,
Команда: «Пристегнуть ремни».

Через мгновение шасси
Утонет в животе машины,
И враз проглотит гул турбинный
Твоё прощальное «прости».

Всё позади. Всё впереди.
Душа моя на волю рвётся,
И сердце бешено не бьётся
Уже в пылу страстей в груди.

И пропасть между «да» и «нет»
С набором высоты всё глубже.
Всё будет только так, как лучше,
Всё ярче самолёта след.

***

Кто-то скажет, что март – это грязь, это сырость,
Ветер острый, шальной, протыкающий высь...
Подари мне, весна, этот ветер на вырост,
Чтоб однажды над городом в нём пронестись.

Подари этот ветер ретивый, навылет
Пробивающий фортку в апрельский коллаж,
Травянисто-сиреневый, солнечно-пыльный,
Оживляющий ранней весны макияж.

Кто-то скажет, что март – это грязь, это сырость,
Ветер острый, шальной, протыкающий высь...
Мне порою ночной что-то, помнится, снилось:
То ли мартовский ветер, то ль новая жизнь.

Апельсиновый фонарь

Голубизну дневную неба
Опутала под вечер хмарь.
Свет ровный, будто лунный слепок,
Льёт апельсиновый фонарь.
Заглядывает мягко в окна,
Подмигивает, как живой,
В наш старый двор он одиноко
Поставлен прошлой был весной.
Ему я ночью доверяю
Все тайны, что таю в груди,
А он флюиды посылает,
Оранжево в меня глядит.
Я с нетерпеньем жду с ним встречи,
Когда очертит вечер круг.
Вдруг жизнь понять мне станет легче
Через его свеченье? Вдруг?..
Стеклянно-матово меж нами
Блуждают, с ночи до зари,
По судьбам длинными ногами
Задумчивые фонари.

***

Вечер нещадно старел
И выбивался из сил,
Грустью прикуренной тлел,
Корчился и уходил
Пеплом, рассыпанным в сон,
Гаснущих окон квартир,
Тайной окутывал он
Тёмный за окнами мир.
Завтра, в назначенный час,
Вечер наступит другой,
То, что тревожит сейчас,
Может, оденет в покой.
И, наконец-то, уже
Страхи сумеет унять,
Веру посеет в душе,
Мудрость «простить и принять».

Такие далёкие близкие люди

Бежим всё куда-то, бежим,
И скорость всё выше и выше.
Объять необъятность спешим,
Кричим, но друг друга не слышим.

Как будто живём не всерьёз,
А всё, что всерьёз, очень ловко
Снимаем с повестки. Вопрос:
«А где же она, остановка?»

Но жизнь, несомненно, мудра,
Сама всё по полкам расставит,
Звоночек подаст, что пора
Подходы к проблеме исправить.

Ведь, в сущности, правда одна,
Не так уж и много нам надо –
Испить чашу жизни до дна
Спокойно, без всякой бравады.

***

Я давилась судьбою,
Будто чёрствою коркою,
Только шла за тобою
Слепо в даль иллюзорную.

Леденела, касаясь
Взглядов бледных, остуженных,
И разжечь не пыталась
Страсти женским оружием.

Стерегла в сердце чувство.
И глотала с отчаяньем
Пустословия сгустки
Между пустомолчанием.

А сегодня, признаться,
Все печали излиты, и
Я не стану стучаться
В дверь, гвоздями забитую.

Сон

Я вижу вновь один и тот же сон:
Зимы начало, снег лежит неровно.
Вокзал. Гудки. Пустеющий перрон.
Стоят они, чуть сгорбившись, безмолвно.
Они, давно ушедшие от нас
В миры иные, в неба измеренье,
Я отдала бы многое сейчас,
Чтоб на минуту, на одно мгновенье
В далёком прошлом очутиться вдруг,
Услышать голос папы и, быть может,
Его прикосновенья тёплых рук
Мне ощутить на тонкой детской коже.
Я отдала бы многое за то,
Чтоб вновь заботу бабушки Марии
Почувствовать. И строгий властный тон:
«Не брать варенье! На зиму сварила!»
Вокзал. Перрон. Безмолвные они,
Чуть сгорбившись, смакующие вечность,
Стоят. Вокруг огни, огни, огни,
Сверкая, их уносят в бесконечность.

***

Память осыпалась снегом напластанным
С лиц потускневших, прошедших годов,
Что-то додумано, где недосказано,
Где не нашлось раньше правильных слов.

Двери закрыты, и статус «ПРОСРОЧЕНО»
Яркой печатью. На сердце замок.
Ты для меня – грустный снег на обочинах
Старых, расчищенных жизнью, дорог.

Сколько угодно мы можем распинывать
Время ушедшее. Не повернуть
Вспять ничего. Растворилось всё мнимое.
Каждый из нас продолжает свой путь.

***

Разорвать да выбросить рукописи старые,
но дрожит, противится робкая рука,
далеко запрятана армия с помарками
рукописей дремлющих, но жива пока.

В них: и грусть глубокая – жизни отражение,
зазеркалье тихое, и душевный свет...
Если не подвергла их до сих пор сожжению,
значит и теперь уже не подвергну, нет.

В час тоски, когда-нибудь, может пригодится мне
всё. Перечитается и всплакнёт со мной
время пожелтевшее, время разнолицее,
погрустит, встревожится и... обратно в строй.